Price in NYC 50¢, outside of NYC $1

ЭТУШ

стр.8-11

стр.14-17

НА ВСЮ ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ

№10 (195)
МАРТ 2024

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

стр.4-7

В ДЖАЗ - ИЗ ТЕАТРА, ТЕАТР - В ДЖАЗ

КАК «ВЕЛИКИЙ НЕМОЙ» УЧИЛСЯ ПЕТЬ

стр.20

В ДЖАЗ - ИЗ ТЕАТРА, ТЕАТР - В ДЖАЗ

Леонид Утёсов, 1929 г.

В биографии Леонида Утёсова одна из «красных дат» - 8 марта 1929 года. В этот день на сцене Ленинградского Малого оперного театра состоялся дебют его любимого детища - «Теа-джаза». В этом году исполняется 95 лет с того памятного дня...

Обложка журнала «Пролетарский музыкант», органа РАМП

Эдуард Амчиславский
Александр Галяс

Из воспоминаний Л.О.Утёсова: *«Это был один из самых радостных и значительных дней моей жизни. Когда мы закончили, плотная ткань тишины зала, словно с треском прорвалась, и сила звуковой волны была так велика, что меня отбросило назад. Несколько секунд, ничего не понимая, я растерянно смотрел в зал. Оттуда неслись уже не только аплодисменты, но и какие-то крики, похожие на вопли. И вдруг в этот миг я осознал свою победу...»*

* * *

Эта победа была тем приятнее и значительнее, что на пути к ней Утёсову довелось преодолеть множество препятствий - творческих, организационных, а главное, идеологических. Строго говоря, само появление подобного коллектива в конце 1920-х было чудом, уникальной удачей. Владимир Набоков писал о появившемся почти в то же время, что и утёсовский джаз, романе Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев», что его авторам удалось «в политическом смысле проскочить». То же можно сказать и об Утёсове. Сравнение вполне оправданное, ибо с точки зрения «правоверных» коммунистов «теа-джаз» артиста-одессита был таким же «подозрительным», что и сатирический роман его земляков.

* * *

Вообще говоря, с джазом, как, с эстрадой в целом, у советской власти сложились довольно странные отношения. В самом начале революции большевики гениально угадали возможности «легкого жанра» для пропаганды своих идей. Во время гражданской войны в городах устраивались митинги-концерты с участием популярных артистов (типичное объявление того времени: «После митинга - эстрада»). Из эстрадных артистов сколачивались фронтовые бригады, которые между боями развлекали красноармейцев (в своих мемуарах Утёсов описывает такие поездки). Широкую поддержку властей находят артисты-чтецы; их, в частности, привлекают для выступлений в сельских избах-читальнях, где неграмотным в большинстве своем крестьянам зачитываются вслух декреты вперемежку со стихами и рассказами. С другой стороны, большевики не могли уйти от соблазна эстраду «облагородить» и идеологизировать. Особенно старались в этом плане «неистовые ревнители» - деятели Российской ассоциации пролетарских музыкантов (РАПМ).

* * *

Из статьи 1927 года: *«Что мы называем легкожанровой музыкой? Это музыка бара, кафешантана, варьете, «цыганщина», джазовая фокстротчина и т. д., все это, что составляет некий музыкальный самогон, что является художественной формой использования музыкального звучания не для поднятия масс, а для того, чтобы душить их инициативу, затемнять их сознание».*

* * *

Мишенями «неистовых ревнителей» оказывались, как правило, самые талантливые. Не избежал этой участи и Утёсов. Переехав в начале двадцатых годов в «Северную Пальмиру», многогранно одаренный одессит пробовал себя в самых разных жанрах. Своего рода апофеозом этих поисков стала легендарная программа «От трагедии до трапеции». Это было воистину феерическое зрелище.

Начиналось представление сценой из «Преступления и наказания», где партнёром Утёсова-Раскольникова был премьер Александринского театра Конрат Яковлев. Затем был показан первый акт из оперетты Жака Оффенбаха «Прекрасная Елена»; Утёсов-Менелай, а в роли Елены - ещё одна «звезда» Александринки Елизавета Тиме. После этого шел скетч «Американская дуэль», затем Утёсов исполнял куплеты, комические рассказы, эксцентрические танцы, играл на скрипке, пел романсы и пародии, дирижировал комическим хором, демонстрировал свои цирковые умения - был клоуном, акробатом, жонглером, музыкальным эксцентриком, а под финал действительно исполнил номер на трапеции... Трудно сказать, было ли еще в мире нечто подобное шестичасовому представлению нашего земляка?! Лично мы о таком не слышали...

* * *

Из статьи Симона Дрейдена: *«Талантливый человек Утёсов! Вот уж подлинно - и чтец, и певец, и на дуде игрец!»*

* * *

На первых порах своей артистической карьеры Утёсов прославился, прежде всего, как исполнитель т.н. еврейских рассказов и куплетов. Но в 1923 году, после знаменитой статьи М.Горького, направленной против антисемитизма, именно этот жанр стал предметом уже не идеологического, а прямо-таки уголовного преследования. Ибо постановлением Петроградского репертуарного комитета (фактически выполнявшего функции цензуры), категорически запрещалось исполнять со сцены «акцентированные» (читай, еврейские, кавказские, среднеазиатские и т. д.) куплеты и рассказы! А вскоре после выхода этого драконовского постановления в одном из журналов появилась зубодробительная статья, полностью посвященная Утёсову.

* * *

УБЕРИТЕ.

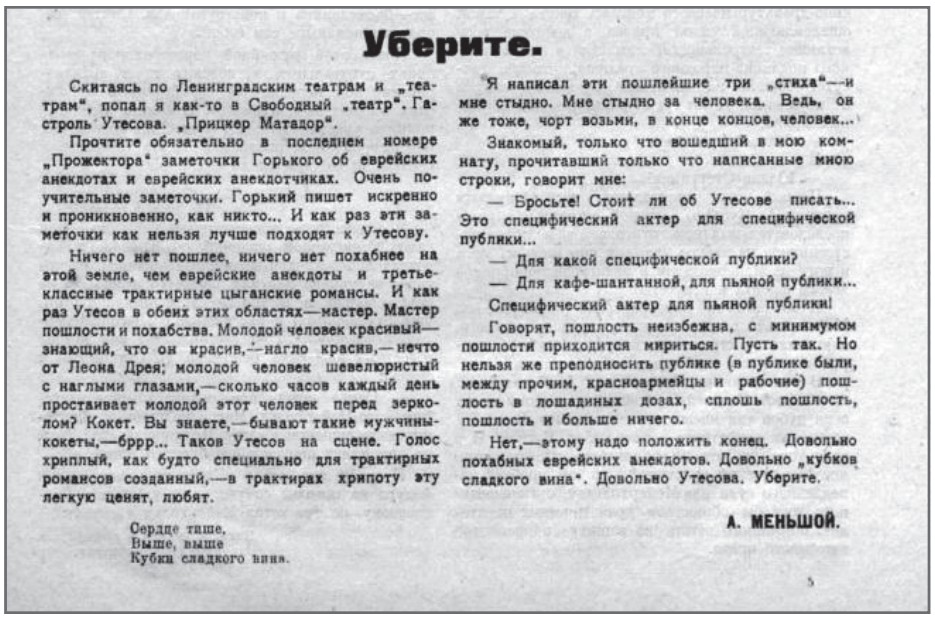
Скитаясь по Ленинградским театрам и «театрам», попал я как-то в «Свободный театр». Гастроли Утёсова. «Прицкер Матадор».

Афиша Показательного синтетического вечера-спектакля Л.О.Утёсова «От трагедии до трапеции Утёсов показывает всё...», 2 февраля 1923 г.

Прочтите, обязательно прочтите в последнем номере «Прожектора» заметочки Горького о еврейских анекдотах и еврейских анекдотчиках. Очень поучительные заметочки. Горький пишет искренне и проникновенно, как никто. И как раз эти заметочки как нельзя лучше подходят к Утёсову.

Ничего нет пошлее, ничего нет похабнее на этой земле, чем еврейские анекдоты и третьеклассные трактирные цыганские романсы. И как раз Утёсов в обеих этих областях - мастер. Мастер пошлости и похабства.

Обложка журнала «Жизнь искусства», №10, 1924 г.



Уберите.

Скитаясь по Ленинградским театрам и „театрам", попал я как-то в Свободный „театр". Гастроль Утесова. „Прицкер Матадор".

Прочтите обязательно в последнем номере „Прожектора" заметочки Горького об еврейских анекдотах и еврейских анекдотчиках. Очень поучительные заметочки. Горький пишет искренно и проникновенно, как никто... И как раз эти заметочки как нельзя лучше подходят к Утесову.

Ничего нет пошлее, ничего нет похабнее на этой земле, чем еврейские анекдоты и третьеклассные трактирные цыганские романсы. И как раз Утесов в обеих этих областях—мастер. Мастер пошлости и похабства. Молодой человек красивый—знающий, что он красив,—нагло красив,—нечто от Леона Дрея; молодой человек шевелюристый с наглыми глазами,—сколько часов каждый день простаивает молодой этот человек перед зеркалом? Кокет. Вы знаете,—бывают такие мужчины-кокеты,—бррр... Таков Утесов на сцене. Голос хриплый, как будто специально для трактирных романсов созданный,—в трактирах хрипоту эту легкую ценят, любят.

Сердце тише,
Выше, выше
Кубки сладкого вина.

Я написал эти пошлейшие три „стиха"—и мне стыдно. Мне стыдно за человека. Ведь, он же тоже, чорт возьми, в конце концов, человек...

Знакомый, только что вошедший в мою комнату, прочитавший только что написанные мною строки, говорит мне:

— Бросьте! Стоит ли об Утесове писать... Это специфический актер для специфической публики...

— Для какой специфической публики?

— Для кафе-шантанной, для пьяной публики...

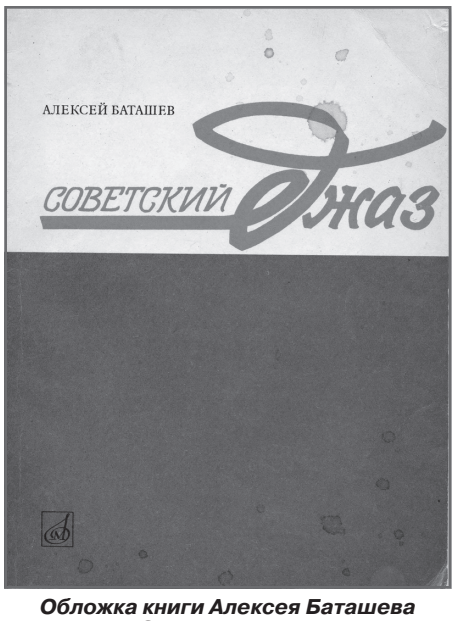
Специфический актер для пьяной публики!

Говорят, пошлость неизбежна, с минимумом пошлости приходится мириться. Пусть так. Но нельзя же преподносить публике (в публике были, между прочим, красноармейцы и рабочие) пошлость в лошадиных дозах, сплошь пошлость, пошлость и больше ничего.

Нет,—этому надо положить конец. Довольно похабных еврейских анекдотов. Довольно „кубков сладкого вина". Довольно Утесова. Уберите.

А. МЕНЬШОЙ.

Заметка «Уберите.»



Обложка книги Алексея Баташева «Советский джаз»

Первые репетиции первого состава «Теа-джаза»

Молодой человек красивый - знающий, что он красив, - нагло красив, - нечто от Леона Дрея; молодой человек шевелюристый с наглыми глазами - сколько часов каждый день простаивает этот человек перед зеркалом? Кокет. Вы знаете, бывают такие мужчины - кокеты - брр... Таков Утёсов на сцене. Голос хриплый, как будто специально для трактирных романсов созданный, - в трактирах хрипоту эту легкую ценят, любят.

Сердце тише,
Выше, выше
Кубки сладкого вина...

Я написал эти пошлейшие три «стиха» - и мне стыдно. Мне стыдно за человека. Ведь он же, того, чорт возьми, в конце концов, человек...

Знакомый, только что вошедши в мою комнату, прочитавший только что написанные мною строки, говорит мне:

- Бросьте! Стоит ли об Утёсове писать? Это специфический актер для специфической публики.

- Для какой специфической публики?

- Для кафе-шантанной, для пьяной публики.

Специфический актер для пьяной публики!

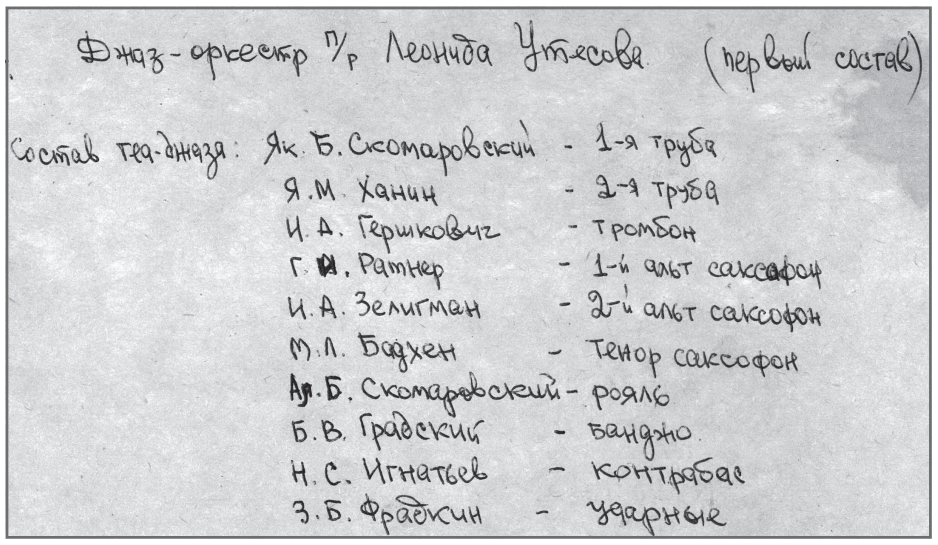
Говорят, пошлость неизбежна, с минимумом пошлости приходится мириться. Пусть так. Но нельзя же преподносить публике (в публике были, между прочим, красноармейцы и рабочие) пошлость в лошадиных дозах, сплошь пошлость, пошлость и больше ничего.

Нет, - этому надо положить конец. Довольно похабных еврейских анекдотов. Довольно «кубков сладкого вина». Довольно Утёсова. Уберите.

«Жизнь искусства», 1924, №10

* * *

После такого впору было впасть в отчаяние. Но Утёсов не случайно родился в одном из самых жизнерадостных городов мира. Он действительно на какое-то время фактически оставил эстраду, играл в театре, снимался в кино, читал рассказы Зощенко и Бабеля. Но мечта создать нечто необычное не оставляла артиста. Самуил Маршак замечательно точно сформулировал подобное состояние: «надо правильно разложить дрова; огонь упадет с неба». «Огонь с неба» озарил Утёсова в 1928 году, во время поездки по Европе.



Джаз-оркестр п/р Леонида Утёсова (первый состав)

Состав теа-джаза: Як. Б. Скоморовский - 1-я труба
Я.М. Ханин - 2-я труба
И.А. Гершкович - тромбон
Г.И. Ратнер - 1-й альт саксофон
И.А. Зелигман - 2-й альт саксофон
М.Л. Бадхен - тенор саксофон
Ал.Б. Скоморовский - рояль
Б.В. Градский - банджо
Н.С. Игнатьев - контрабас
З.Б. Фрадкин - ударные

* * *

Из книги Алексея Баташева «Советский джаз»: *«В Берлине он посетил концерт английского оркестра Джека Хилтона. У Хилтона, одного из европейских последователей Пола Уайтмена, был довольно большой по тому времени состав (около 20 человек). Концерты оркестра отличались определенной строгостью: музыканты чинно сидели на сцене во фраках, так что внешне их выступления ничем (кроме инструментов и репертуара) не отличались от симфонического концерта.*

Зато американский оркестр Теда Люиса, увиденный и услышанный Л.Утёсовым в Париже, был совершенно иным. Люис (его настоящее имя Теодор Леопольд Фридман) имел к тому времени пятнадцатилетний стаж комедийного и водевильного актера.

В программах своего оркестра он выступал не только в разговорно-песенном жанре, но и как солист на кларнете. Тед Люис стремился превратить каждый концерт в яркое и увлекательное зрелище. Музыканты разыгрывали диалоги, мимические сцены, двигались - иными словами, выступали как полноправные актеры. В одном из номеров, переодеваясь по ходу действия, они появлялись на эстраде в русских атласных косоворотках, плисовых шароварах и сапогах - Париж любил такого рода экзотику.

Выступления оркестра Теда Люиса произвели на Л.Утёсова большое впечатление именно своей яркой театрализацией концертных программ».

* * *

Из воспоминаний Л.О.Утёсова: *«Музыка, соединенная с театром, но не заключенная в раз и навсегда найденные формы. Свободная манера музицирования, когда каждый участник в границах целого может дать волю своей фантазии. В заученных словах, чувствах, мизансценах мне всегда было тесно. Именно в таком вот джазе, если, конечно, его трансформировать, сделать пригодным для нашей эстрады, могли бы слиться обе мои страсти - к театру и к музыке».*

* * *

Вернувшись в Ленинград, Утёсов немедленно приступает к реализации своего замысла. «Кадровую проблему» удалось решить, взяв в «соавторы» блестящего трубача Якова Скоморовского. Имея среди музыкантов безграничные знакомства, тот помог отыскать нужных людей. «Чистых» джазменов тогда почти не было, потому «вербовали» «классических» музыкантов. Из бывшего Михайловского театра пригласили тромбониста Иосифа Гершковича и контрабасиста Николая Игнатьева (он стал первым аранжировщиком). Из оркестра театра «Сатиры» - Якова Ханина (2-я труба) и Зиновия Фрадкина (ударник). Из Мариинского театра - Макса Бадхена (тенор- саксофон), а из других коллективов - несколько эстрадных музыкантов - гитариста Бориса Градского (банджо), пианиста Александра Скоморовского (рояль), скрипача и саксофониста Изяслава Зелигмана (2-й альт-саксофон), саксофониста Геннадия Ратнера (1-й альт-саксофон). Оркестр, не считая дирижера, состоял из десяти человек. Не имея своего помещения, первые репетиции музыканты проводили на квартире Скоморовского.

* * *

Из книги Аркадия Котлярского «Спасибо джазу. Воспоминания старого утёсовца»: *«Скоморовский не знал, «с чем кушают джаз». Вся его премудрость сводилась к следующим требованиям: »Короче! Острее! Форте! Пиано! Провел!» Ни манеры, ни стиля он просто не знал, а уж общую нюансировку, сценическое поведение, какое-то действие, освещение – это мог осуществить только Утёсов – душа всего. Он придумывал номера, интермедии, играл их, пел и часто самостоятельно режиссировал».*

* * *

Утёсов, сформулировавший свою идею как «теа-джаз» (т. е. джаз театрализованный, «театр джаза»), добивался от музыкантов, чтобы они были еще и артистами. На этой почве не раз возникали конфликты, порою трагикомические. Артист Николай Жегулев (*дядя одного из авторов этой публикации - А.Галяса*), рассказывал со слов самого Леонида Осиповича, как тот несколько репетиций подряд тщетно добивался от Иосифа Гершковича, чтобы он во время исполнения опустился на одно колено. «Меня знает весь

Окончание на с.6

Леонид Утёсов. Страница первой программы «Теа-джаза»

Состав Теа-Джаза:

1-я труба	Як. Б. Скомаровский
2-я труба	Я. М. Ханин
Тромбон	И. А. Гершкович
1-й альт саксофон	Г. И. Ратнер
2-й альт саксофон	И. А. Залигман
Тенор саксофон	М. Батхен
Рояль	Ал. Б. Скомаровский
Банжу	Б. В. Градский
Контрабас	Н. С. Игнатьев
Ударный	З. Б. Фрадкин

Художественное руководство
Л. Утесов и Як. Скомаровский

Ленинградский Областлит № 33355. Заказ № 4019. Тираж 1200.

Состав Теа-джаза. Страница первой программы «Теа-джаза»

Федор Раскольников

Окончание. Начало на с.5

город, - возмущался музыкант. - Я служу в оркестре Михайловского театра, играю первый тромбон. И я буду становиться на колени?! Перед кем?!» Уломать несговорчивого тромбониста удалось лишь после того, как все остальные музыканты по команде Утёсова стали перед ним на колени. Против такого «аргумента» устоять - в прямом и переносном смысле - было невозможно.

* * *

Из воспоминаний Л.О.Утёсова: *«Мой оркестр не должен быть похожим ни на один из существующих, хотя бы потому, что он будет синтетическим... Это должен быть... да! театрализованный оркестр, в нем, если надо, будут и слово, и песня, и танец, в нем даже могут быть интермедии - музыкальные и речевые. Одним словом, кажется, я задумал довольно-таки вкусный винегрет. Что ж, я прихожу в джаз из театра и приношу театр в джаз».*

* * *

Однако еще не успевший сформироваться коллектив мог распасться, так и не дожив до выхода на эстраду. Ибо как раз в тот момент, когда только начались репетиции, в Главном репертуарном комитете РСФСР (Главрепертком), который возглавлял в ту пору будущий борец со сталинским режимом, а пока что несгибаемый большевик Федор Федорович Раскольников, прошло совещание «по проблемам эстрады». Подчеркнув значимость этого вида искусства («на втором месте после кино»), Раскольников, тем не менее, призвал «устранить» целые направления. Среди них: «мещанские песни» («Чайка» и другие), «криминальные, разбойничьи» («Разграбили сто городов»), «ямщицкие» («Не гони лошадей»), а также «ресторанно-мещанские романсы». В результате было издано распоряжение, согласно которому из репертуара, разрешенного к исполнению, разом исключались 1200 (!) музыкальных произведений, в том числе целый ряд джазовых пьес (вроде популярнейшего в ту пору «Джона Грея»), множество русских и цыганских романсов, включая «Калитку», «Пару гнедых», «Хризантемы» и др.

* * *

Александр Данкман

Симон Дрейден

Сергей Киров и Иосиф Сталин

Из фельетона:
Конец. Напрасно зовы, взоры,
Огни двухтысячных свечей.
Утёсов, влезший на заборы
В ряды рысистых первачей…

К ним нет пути. Провала мрака.
Кривит эстрада пьяный рот.
Сливая бедра с жутью фрака,
По кабакам поплыл фокстрот…

* * *

Это была катастрофа. Теперь перспективы нового джаза, и без того не слишком ясные (ведь репетировали на свой страх и риск, во внерабочее время), становились вообще призрачными. И Утёсов лихорадочно принялся искать выход из положения. «Ангелом-хранителем» нарождающегося коллектива стал Александр Морисович Данкман. Этот удивительный человек заслуживает того, чтобы о нем рассказать чуть подробнее.

* * *

Юрист по образованию, Данкман сразу после окончания Московского университета связал свою жизнь с искусством. Начав с должности юрисконсульта первого в России профсоюза деятелей эстрады и цирка, в советские времена он «дорос» до директора-распорядителя Государственного объединения музыки, эстрады и цирка (ГОМЭЦ). По его инициативе в СССР были созданы мюзик-холлы, он помогал становлению таких выдающихся мастеров эстрады как Н.Смирнов-Сокольский, Г.Афонин, А.Редель и М.Хрусталев и др. Дважды был арестован и, в конце концов, умер в тюрьме в 1951 г. Но в 1929 году он был в силе и сразу оценил перспективы утёсовской затеи.

* * *

Из воспоминаний Л.О.Утёсова: *«Данкман был удивительный человек. Он обладал самым главным для директора-администратора качеством - умением сочетать экономику с творчеством. Александр Морисович думал о материальной стороне дела, о сборах даже когда отдыхал или развлекался. Однажды мы сидели в аванложе мюзик-холла и собирались пить чай с пирожками. Данкман, откусив кусочек и не видя начинки, с недоумением посмотрел на меня:*
- Там внутри есть какой-нибудь сбор?
- Есть, но неполный, - сказал я.
- Имеете двадцать копеек за остроту».

* * *

Судя по всему, именно Данкман убедил партийное руководство, с недоверием относившееся к «музыке толстых» (печально известное определение А. М. Горького), дать добро утёсовскому начинанию. Аргументы были, в первую очередь, финансовые. Эстрадные концерты очень существенно пополняли государственную казну. Об этом стыдливо умалчивалось, но все годы советской власти именно на выручку от «презренной» эстрады в значительной части дотировалось классическое искусство. Потеря такого источника финансирования, особенно в момент «индустриализации» и «великого перелома», оказалась для государства чрезмерно ощутимой. В силу чего указанное постановление Главреперткома, невзирая на явное ужесточение идеологического режима (особенно после того, как был снят со своего поста «либерал» А.Луначарский), постарались «спустить на тормозах».

Кроме того, Данкман сыграл на извечном противостоянии двух столиц.

* * *

Из беседы с кинорежиссером Л. З. Траубергом: *«Ленинград в двадцатые годы был, наверное, самым «вольнодумным» городом Союза. И если Москва что-то запрещала, то ленинградцы делали все возможное, чтобы поступить наперекор. При Зиновьеве это принимало порою открытые формы, при Кирове - более скрытые, но отношение не менялось».*

* * *

Данкману принадлежала поистине гениальная идея - устроить дебют оркестра на вечере в честь 8 марта. Многоопытный администратор знал, что делает. В зале сидели в основном женщины-работницы. Концерт, который им предложили после торжественной части, состоял в основном из классических произведений - арий из опер, симфонических миниатюр, балетных номеров, говоря откровенно, малоинтересных для неискушенных зрителей. И тут….

* * *

Писатель и драматург Д. А. Минченок в книгах, посвященных Исааку Дунаевскому: *«…открылся занавес, на сцене музыканты - на первый взгляд - не музыканты: уж слишком не по форме одеты. В светлых брюках и таких же джемперах, на головах - черные беретики, лихо заломленные набок…»*

* * *

Появление 11 молодых мужчин, игравших веселую зажигательную музыку, не могли не всколыхнуть работниц. Тем более - с таким репертуаром, где грузинская песня «Где б ни скитался я» (своеобразный «реверанс» в сторону Генерального секретаря ВКП (б) И. В. Сталина) сочеталась со скандальным «шлягером» «С одесского кичмана», который вызывал особый восторг публики, а стихотворение своего земляка Э.Багрицкого «Контрабандисты» Утёсов исполнял под аккомпанемент джазовой музыки У.Дональдсона.

* * *

Из статьи Глеба Скороходова: *«Утёсов дирижировал, и это становилось своеобразным актерским действом, призванным помочь зрителю распознать «характер» того или иного музыкального инструмента. Затем брал скрипку и начинал лирический диалог с музыкантами. Но, уже в следующем номере, исполнив куплет в веселой песенке, играл на экзотической джаз-флейте и переходил к мелодекламации, исполняя романтическое стихотворение «Контрабандисты». Он пел нежный вальс «Чакита», полный грусти романс «Где б ни скитался я». И во всем этом, как никогда прежде, проявились артистичность Утёсова, его обаяние, умение установить контакт со слушателем, вести с ним разговор от сердца к сердцу - те черты, которые стали определяющими в сценическом облике певца».*

* * *

Из воспоминаний И.Гершковича: *«Концерт мы начали с быстрого фокстрота, строго ритмичного и очень темпераментного. По окончании номера аплодисменты долго не смолкали. У артистов поднялось настроение. И весь наш концерт, состоявший из шести номеров, мы провели с большим подъемом.*

Успех был большой. По окончании концерта на сцену пришли артисты, музыканты, маститые дирижеры - С.Самосуд, В.Дранишников, Д.Похитонов. Нас обнимали, поздравляли с успехом. Мы поняли, что наш джаз-оркестр может выступать перед широкой публикой».

* * *

Из рецензии Симона Дрейдена: *«И вот - теа-джаз. Прежде всего, превосходно слаженный, работающий, как машина (четко, безошибочно, умно) оркестр. Десять человек, уверенно владеющих своими инструментами, тщательно прилаженных друг к другу, поднимающих «дешевое танго» до ясной высоты симфонии».*

* * *

Реакция зала должна была убедить присутствовавших на вечере партийных руководителей во главе с Кировым, что джаз - искусство «нашенское», доступное рабочему классу. Так оно и случилось. А специально приглашенный Данкманом директор Летнего эстрадного театра в Саду отдыха тут же предложил Утёсову месячный контракт.

* * *

И хотя этот, да и последующие концерты прошли с колоссальным успехом, но РАМПовская критика продолжала «охоту» на артиста.

* * *

Из статьи «Утёсовщина», журнал «За пролетарскую музыку» №8, 1930 г.: *«Что же представляло собой само выступление Утёсова? Кривлянье, шутовство, рассчитанное на то, чтобы благодушно повеселить «господина« публику. Все это сопровождалось ужасным шумом, раздражающим и подавляющим слух. Уходя из театра, слушатель уносил с собой чувство омерзения и брезгливости от всех этих похабных подергиваний и пошлых кабацких песен. На это безобразие должна обратить внимание вся советская общественность. Необходимо прекратить эту халтуру. Нужно изгнать с советской эстрады таких гнусных рвачей от музыки, как Л.Утёсов и К°».*

* * *

К счастью для Утёсова и его теа-джаза, у них нашелся могущественный «союзник». Известный искусствовед Симон Дрейден рассказывал, что Киров похвастал перед Сталиным новым уникальным коллективом и Вождь изъявил желание лично убедиться в его достоинствах. Наибольший успех у членов Политбюро имела песня «С Одесского кичмана» - именно та, за которую Утёсова и ругала нещадно РАМПовская критика, и которую собирались запретить. Но после «высочайшего благоволения» Главреперткому пришлось на некоторое время смириться с «блатной лирикой», так что Утёсову в 1932 г. даже удалось записать эту песню на грампластинку. Впоследствии, впрочем, это не уберегло его от периодически повторяющихся «разносов», которые с новой силой возобновились в печально памятный период борьбы с «безродными космополитами».

* * *

Из статьи 1949 года: *«Что может быть менее созвучным нашей музыке, нашим советским песням, богатейшему фольклору советских народов, чем ноющий, как больной зуб, или воющий саксофон, оглушительно ревущий изо всех сил тромбон, верещащие трубы или однообразно унылый стук всего семейства ударных инструментов, насильственно вколачивающих в сознание слушателя механически повторяющиеся ритмы фокстрота или румбы. Нет! Мы решительно против искусственного соединения нашей музыки с джаз-оркестрами, а те, кто пытается втискивать ее насильственно в джаз, калечит ее, коверкает».*

* * *

Но это были еще «цветочки». 13 марта 1952 года было принято постановление приступить к следствию в отношении лиц, имена которых упоминались по делу Еврейского антифашистского комитета. В список из двухсот фамилий был включен и Утёсов. Он догадывался об этом. Уже в старости, в откровенных разговорах с самыми близкими людьми, Леонид Осипович признавался, что провел немало тревожных ночей. Однако зрители всегда видели на сцене человека яркого, остроумного, жизнерадостного. За что и любили - «от мала до велика».

Эстрадный оркестр под руководством Леонида Утёсова, начало 1960-х